

Диана Фурсова

**ОПАЛЬНАЯ
ЖЕНА ДРАКОНА.**

Хозяйка северной
лечебницы

Диана Фурсова

Опальная жена дракона.

Хозяйка северной лечебницы

<https://litres.ru/74205764>

Аннотация

Меня сослали на Север доживать в роли бумажной жены дракона. Вместо столицы — ледяное поместье, вместо покоя — дом, где слуги боятся поднять глаза, хозяйство разваливается на части, а в башне заперт больной мальчик, которого почему-то запрещено лечить.

Я должна была сидеть тихо и не мешать. Но я не умею смотреть, как люди умирают, если их еще можно спасти.

Теперь у меня есть всего один шанс: поднять из руин северную лечебницу, вернуть дому жизнь и понять, кто и зачем годами лгал о наследнике. Мой муж-дракон мне не доверяет. Его родня мечтает избавиться от меня. А чем сильнее оживает Север, тем опаснее для врагов оставлять меня в живых.

Содержание

Глава 1. Ссылка на Север	4
Глава 2. Ребенок, которого нельзя спасти	29
Глава 3. Муж, который хотел удобную тень	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1. Ссылка на Север

Карету тряхнуло так, будто колесо угодило не в колею, а в разломанную могильную плиту, и Ева распахнула глаза с чужим криком, застрявшим в горле.

Первое, что она почувствовала, был холод.

Он не касался кожи — он вгрызался глубже, под ребра, в суставы, в зубы. От него ломило виски, сводило пальцы и казалось, будто сам воздух в тесной карете сделан из ледяной стружки. Вторым пришла боль. Тупая, вязкая, растекшаяся по затылку, шее и плечам. Третьим — запах. Сырая шерсть, мокрая кожа, старое дерево, железо и слабый, тяжелый аромат духов, от которого мутило так, будто им пытались залить что-то куда более неприятное.

Ева дернулась, пытаясь сесть, и тотчас в висок ударила такая вспышка боли, что мир поплыл.

— Госпожа... — донеслось откуда-то сбоку. — Очнулись?

Голос был тихий, испуганный. Не участливый — именно испуганный.

Ева стиснула зубы и заставила себя выпрямиться. Напротив нее, забившись в уголок сиденья, сидела молодая женщина в поношенном темном плаще. Лицо у нее было бледное, красное от холода, пальцы — сцепленные так крепко, что побелели костяшки. На коленях лежал меховой сверток. Не ребенок. Просто шуба. Но первое мгновение сердце все

равно дернулось так, словно там кто-то был.

Где я?

Эта мысль возникла раньше всего — чистая, ясная, почти деловая. И тут же разбилась о вторую: это не реанимация, не приемный покой, не такси, не машина скорой, не ее квартира. Ничего знакомого. Ни одного узнаваемого звука. Ни одного.

За узким окном мелькала белая пустота. Снег. Серое небо. Черные стволы деревьев. И бесконечная дорога, будто карета ехала не по земле, а по краю света.

Ева резко провела ладонью по лицу и замерла.

Кожа была не ее.

Не по-настоящему чужая — не как в дурном сне. Но не ее. Щеки тоньше. Подбородок мягче. Пальцы длиннее, уже. На безымянном пальце — тяжелое кольцо с темным камнем, ледяным даже через собственную кожу.

Сердце ударило в грудь один раз, сильно, зло.

— Где я? — спросила она и сама услышала, что голос у нее тоже не тот. Ниже, хриплее, будто сорванный слезами или долгой болезнью.

Служанка вскинулась так, словно ее ударили.

— Госпожа... — прошептала она. — Мы почти приехали.

Ева прищурилась.

— Куда?

Женщина моргнула. Один раз. Второй. Потом медленно побледнела еще сильнее, хотя Еве казалось, что сильнее уже

некуда.

— В... в Северное поместье, госпожа.

Не ответ. Точнее, ответ, который ничего не объяснял.

Ева огляделась внимательнее. Стеганные стены кареты, тяжелые портьеры, сундук под сиденьем, узкий медный фонарь, качающийся на крючке. На полу — меховая полость, забрызганная грязным снегом. На крючке у двери — плащ, слишком дорогой для простой дорожной вещи, но в дурном состоянии: подол сорван, застежка держится чудом. Все было не новым, не роскошным и не случайным. Кто-то ехал сюда долго и не по своей воле.

В голове шевельнулось не воспоминание даже — осколок. Белые пальцы, сжавшие подоконник. Мужской голос, ледяной от ярости. Слова, от которых в груди стало пусто.

Вы сами довели до этого, леди Ард-Ровальд.

Ева судорожно втянула воздух.

Не ее память. Чужая.

Она знала это так же точно, как когда-то знала на ощупь, где у пациента начинается отек и насколько опасно посинение губ. Паника накатила, но не захлестнула. Ева слишком хорошо умела работать тогда, когда страшно. Страх потом. Сначала факты.

Она жива. Это уже хорошо. Или хотя бы... существует.

Она в чужом теле. Это плохо.

Она едет в какое-то Северное поместье. Еще хуже, потому что слово “поместье” не сулило ничего хорошего в сочетании

с выражением лица служанки.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Рина, госпожа.

— Хорошо, Рина. А меня?

Вопрос повис в карете, как удар колокола.

Служанка вытаращилась на нее так, будто у Евы вдруг выросли рога.

— Госпожа... — Рина облизнула пересохшие губы. —

Вы... вы леди Эвелина Ард-Ровальд.

Еще один осколок вошел в сознание без спроса.

Зеркало. Узкое, высокое. Женщина в темно-синем платье, слишком красивая и слишком бледная. Глаза красные. Губы дрожат. За спиной — высокий мужчина в черном, неподвижный, как приговор.

Вы останетесь моей женой на бумаге. Этого достаточно. Все остальное мне безразлично.

Ева зажмурилась. Голову дернуло болью. Но теперь внутри было хоть что-то, за что можно было ухватиться.

Эвелина. Жена. Ард-Ровальд.

И, судя по всему, нежеланная.

— Что со мной случилось? — тихо спросила она.

Рина на этот раз отвела глаза.

— Вы упали, госпожа.

Ложь.

Даже не по словам — по тому, как она это сказала. Слишком быстро. Слишком готово.

— Откуда?

— С лестницы.

Уже лучше. Но все еще ложь.

Ева дотронулась до затылка. Под волосами обнаружилась шишка, болезненная и свежая. Упасть можно было и с лестницы. Только вот у людей, которые действительно упали, слуги обычно не смотрят так, будто боятся не за здоровье госпожи, а за то, что та начала задавать вопросы.

Снаружи слышались мужские голоса. Карета качнулась, замедляясь. Затем колеса вновь загрохотали по более жесткому покрытию.

— Мы въехали на мост, — вырвалось у Рины, будто ей нужно было хоть что-то сказать.

Ева отдернула портьеру.

Под каретой, далеко внизу, чернела река — не замерзшая до конца, с полосами льда вдоль берегов. Ветер метался над водой, как живой. За мостом поднимался холм, а на нем — дом.

Нет, не дом. Замок. Или что-то между крепостью и громадным северным особняком. Каменные стены, узкие окна, башни, крыши под снегом, черные флюгеры, застывшие на ветру. Даже издали было видно, что место это когда-то строили не для уюта, а чтобы выстоять. И все же в нем было что-то странно заброшенное. Не полное запустение — такое бывает, когда дом уже мертв. Здесь было хуже: здесь он будто еще дышал, но через силу.

Несколько окон оставались темными среди дня. На внутреннем дворе сутились люди, однако не так, как суetyтся в богатом, налаженном хозяйстве. Без порядка. Без слаженности. Кто-то тащил дрова, кто-то спорил у конюшни, двое мужчин стояли над перевернутой телегой, и никто не спешил убрать ее с дороги.

Плохой дом. Плохо управляемый. Холодный даже отсюда.

— Это и есть Северное поместье? — спросила Ева.

— Да, госпожа.

Рина снова втянула голову в плечи. Будто само название было здесь чем-то опасным.

— И давно меня сюда... отправили?

На этот раз служанка молчала так долго, что ответ стал ясен прежде, чем она раскрыла рот.

— Четыре дня назад вы выехали из столицы.

Отправили. Не приехала. Не решила. Не пожелала. Именно отправили.

Ева медленно кивнула.

Карета, подсакивая на мерзлых камнях, въехала во двор. Раздались крики, лай собак, скрип колес, резкий свист ветра между стенами. Кто-то распахнул ворота, и сразу ударил новый холод — настоящий, уличный, пропитанный дымом, снегом и севером.

— Его светлость дома? — спросила Ева, сама не зная, зачем.

Рина вздрогнула так заметно, будто ее ткнули иглой.

— Нет, госпожа.

Вот теперь в голосе впервые промелькнуло не только страх, но и осторожное облегчение.

— И когда он будет?

Служанка помедлила.

— Не знаю. Его светлость редко... — Она осеклась, затем сказала уже совсем другим тоном: — Управляющий встретит вас у входа.

Редко бывает дома. Или редко интересуется, что здесь происходит. В любом случае, мужа поблизости нет. Это, при всех неясностях, пока было на руку.

Карета остановилась.

Мгновение никто не двигался. Потом дверь рывком открыли, и в лицо ударил ветер. На подножке показался высокий сухой мужчина лет пятидесяти, в темном дорожном плаще и с таким выражением, будто ему велели принять не хозяйку дома, а ящик с просроченным товаром.

— Леди Ард-Ровальд, — произнес он, едва наклонив голову. — Поместье приветствует вас.

Тон был безупречен. Взгляд — нет.

Ева увидела все сразу: оценивающее скольжение глаз, сдержанное раздражение, скрытую неприязнь и то особое презрение, которое бывает у людей, давно решивших, что перед ними слабый человек. Именно таких она когда-то терпеть не могла среди младшего персонала: внешне вежливых, внутри трусливо-жесточких.

— Вы управляющий? — спросила она, не двигаясь.

Ему явно не понравилось, что говорить пришлось не ему одному.

— Торваль Хестен, к вашим услугам, миледи.

К вашим услугам звучало особенно фальшиво на фоне того, как он не протянул ей руки.

Ева оперлась на дверцу и все же вышла. Ноги подломились на долю секунды. Тело было слабее, чем она ожидала. Чужая Эвелина, видимо, либо болела, либо плохо ела, либо и то и другое. Но Ева удержалась, выпрямилась и подняла голову.

Снег слепил. Воздух обжигал легкие. Двор, увиденный из кареты, выглядел еще хуже. У крыльца скопилась наледь, которую никто не отбивал. По ступеням ползли мокрые следы. На одной стороне двора громоздилась поленница, сложенная кое-как и частично занесенная снегом. Из кухонного крыла тянуло не сдобой и жаром, а чадом пережженного жира. У дальней стены торчала развалившаяся телега с треснувшим колесом. И — самое главное — люди.

Слуги смотрели на нее так, будто она была не новой хозяйкой, а дурной вестью.

Кто-то быстро отвел глаза. Кто-то перекрестился каким-то местным жестом, коснувшись лба и груди двумя пальцами. Молоденькая кухонная девчонка у заднего входа так и вовсе уронила ведро.

Страх. Не почтение. Не робость перед высоким статусом.

Страх.

Интересно, перед кем они боятся сильнее — передо мной или из-за меня?

— Ваши комнаты готовы, — сообщил Торваль. — Вам следует отдохнуть с дороги.

Не приказ, но очень близко.

Ева медленно сняла перчатку и провела пальцем по перилам крыльца. На коже осталась серая полоса пыли, смешанной с копотью.

— Вижу, к моему приезду готовились тщательно, — сказала она ровно.

Торваль на миг застыл. Совсем на миг. Но этого было достаточно.

Он ожидал сломанную женщину. Заплаканную, униженную, молчаливую. Вероятно, ту самую Эвелину, которую сослали сюда, чтобы забыть о ней. И уж точно не ждал, что она первым делом заметит не стены, а грязь на перилах.

— Ваша дорога была назначена поспешно, миледи, — ответил он. — Слуги не успели...

— Успели не вычистить крыльцо, не убрать двор, не проверить дрова и не заменить колесо у телеги? — Ева подняла на него взгляд. — Впечатляюще.

Рина тихо ойкнула за спиной.

Торваль склонил голову чуть ниже прежнего.

— Север суров, миледи. Здесь многое выглядит... проще, чем в столице.

— Простота и запущенность — не одно и то же.

Молчание стало вязким.

Это было рискованно. Она понимала. Ничего не зная об этой земле, об этих людях, о правилах и границах, она уже толкала локтем чужой порядок. Но еще лучше Ева понимала другое: слабость здесь давно привычна. На нее поставили. На нее рассчитывают. И если она начнет с испуга и покорности, следующий шаг ей уже просто не дадут сделать.

Торваль отступил на полшага в сторону, освобождая дорогу к входу.

— Как вам будет угодно, миледи.

Вот теперь это прозвучало почти как угроза.

Внутри замка было не теплее, чем снаружи, только ветра не было. Огромный холл встречал темным деревом, камнем и запахом давно не протапливаемых углов. Когда-то здесь, вероятно, было красиво: широкая лестница, массивная люстра, гобелены, гербы на стенах, высокие двери в гостевые залы. Но красоту съедало не отсутствие денег — безразличие. На гобеленах осела пыль. Один канделябр на столике был погнут. У дальней стены тускло блестела медная ваза, в которой кто-то оставил сухие ветви, будто забыл еще осенью.

Ева остановилась посреди холла и медленно огляделась.

Этот дом действительно умирал.

Не от бедности. От того, что никому не был нужен.

И тут внутри снова шевельнулось чужое.

Эвелина — настоящая, прежняя — стояла на этой самой лестнице. Смотрела вниз, на этих же людей, но тогда все было иначе. Теплее. Светлее. Кто-то смеялся в соседней зале. В камине горел огонь. Сверху спускался мальчик лет восьми с деревянным мечом, а вслед за ним — темноволосый мужчина в расстегнутом мундире. Живой. Улыбающийся. Не чужой.

Воспоминание оборвалось так резко, что Ева едва не схватилась за перила.

— Госпожа? — шепнула Рина.

— Ничего.

Но это было не ничего.

Значит, у этого места была и другая жизнь. И Эвелина ее знала. А потом что-то произошло. Что-то достаточно страшное, чтобы смех исчез, мужчина уехал, а хозяйку сослали сюда фактически в одиночку.

— Мои комнаты, — сказала Ева.

Их повели на второй этаж, в восточное крыло. По пути Ева отметила еще десяток мелочей, из которых любой опытный администратор сложил бы общую картину: на лестнице одна из ступеней шаталась; у окна на площадке дуло так, будто щель в раме никто не замечал годами; дверь в одну из комнат была заперта, но у порога скопилась пыль, значит, туда давно не входили; двое слуг, встретив Торваля, тут же вытянулись, а увидев ее, опустили глаза. Неуважение? Нет. Скорее запрет смотреть.

Комнаты оказались большими и холодными. Спальня, гардеробная, небольшая гостиная с пустым камином. На туалетном столике — потускневшее зеркало и серебряная щетка. На подоконнике — дохлое растение в растрескавшемся горшке. Огонь в камине пытались разжечь, но неумело: дрова чадили, давая больше дыма, чем тепла.

— Обед подадут через час, — объявил Торваль. — Если у вас есть распоряжения, передайте через Рину.

Ева обернулась.

— Есть. Позовите старшую горничную, ключницу, главную кухарку и человека, отвечающего за отопление дома.

Управляющий не успел скрыть изумления.

— Сегодня?

— Нет, через месяц. Разумеется, сегодня.

Он чуть заметно сжал губы.

— Вы устали с дороги, миледи. Возможно, разумнее...

— Разумнее мне решить это самой.

Торваль поклонился. На этот раз уже глубже, но не из уважения — чтобы скрыть выражение лица.

Когда за ним закрылась дверь, Рина почти обессиленно опустилась на стул.

— Госпожа... зачем вы так?

— Как — так?

— С ним нельзя спорить.

Ева сняла тяжелый плащ и поморщилась. Тело болело все сильнее. Наверное, от переохлаждения, дороги и удара по

голове. Плечи сводило. Во рту был мерзкий металлический привкус. Очень хотелось лечь и не двигаться хотя бы час. Но если сейчас лечь, вставать придется уже в другом раскладе — более удобном для Торваля.

— С ним как раз нужно спорить, — сказала она. — Иначе он решит, что может указывать мне, что делать.

Рина побледнела еще больше.

— Но он же...

Она осеклась.

Ева села в кресло у камина.

— Договаривай.

Служанка закусил губу. Вид у нее был такой, будто каждое слово здесь может стоить зубов.

— Госпожа... вы не помните, что ли, совсем?

— Плохо помню, — холодно сказала Ева, и это была почти правда. — Поэтому говори.

Рина уставилась на огонь.

— После отъезда его светлости здесь многое... изменилось. Люди теперь слушают управляющего. А он не любит, когда ему мешают.

— Я ему мешаю уже тем, что существую?

Вопрос вышел жестче, чем она хотела. Но Рина подняла глаза, и на секунду в них мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Да, госпожа.

Честно. Наконец-то.

Ева откинулась на спинку кресла и медленно выдохнула. Вот и первая ясная вещь за этот безумный день.

Она не дома. Она не в своем мире. Она в теле женщины, которую здесь не любят, не ждут и, вероятно, считают слабой. Муж, если верить обрывкам памяти и общему настроению поместья, не просто отсутствует — он намеренно держится в стороне. Управляющий чувствует себя хозяином. Слуги боятся. Дом в запустении. Значит, игра идет давно, и она вошла в нее в худший момент.

Но и в удобный.

Потому что хуже уже, судя по всему, было некуда.

— Принеси мне воды, — сказала Ева. — Горячей. И чего-нибудь соленого поесть. Не сладкого.

Рина быстро кивнула и выскочила за дверь.

Оставшись одна, Ева подошла к зеркалу.

Лицо, которое отразилось в нем, было красивым. Той опасной, хрупкой красотой, которую мужчины часто принимают за беспомощность. Светлая кожа. Темные ресницы. Чуть впалые щеки. Губы, будто нарочно созданные для молчаливой гордости. И глаза — серые, с ледяным отливом. Сейчас в них, к счастью, уже не было того мертвого затравленного выражения, которое, наверное, привыкли видеть окружающие.

— Ну и кто ты была? — тихо спросила Ева у отражения. Ответа, конечно, не было.

Но в глубине памяти снова шевельнулось чужое отчаяние.

Не событие, не цельная картина — ощущение. Ночь. Закрытая дверь. Чужой смех за стеной. Письмо, которое не дочитали. И оскорбительная, глухая мысль: *лучше бы меня здесь не было вовсе.*

Ева сжала край столика до белых костяшек.

Нет. Это чувство было не ее. И судьба этой женщины тоже не станет ее судьбой. По крайней мере, без борьбы.

Через четверть часа пришли вода, хлеб, сыр и солончатый бульон. Ева ела медленно, прислушиваясь к телу. Голод был настоящий. Сильный. Не один пропущенный обед — как минимум дни плохой еды и нервного изматывания. Значит, прежнюю Эвелину не просто унизили. Ее, скорее всего, выдавливали из жизни по кускам, так, чтобы со стороны все выглядело прилично.

Когда в дверь постучали снова, Рина уже стояла у камина, нервно перебирая край передника.

— Войдите, — сказала Ева.

Первой вошла полная женщина с опухшими от жара руками — ключница или кухарка. За ней — сухая старуха с тяжелой связкой ключей на поясе, молодая горничная, не поднимающая глаз, и плечистый мужчина в замасленной куртке, от которого пахло гарью. Торваля среди них не было. Значит, либо посчитал ниже своего достоинства явиться, либо хотел показать, что не собирается исполнять приказание лично.

Ева не стала садиться. Стоя их легче было читать.

— Назовитесь.

Они переглянулись. Старуха сделала шаг вперед:

— Ключница Марта, миледи.

— Главная кухарка Бригта, миледи, — пробормотала полная женщина.

— Служанка Лис, миледи, — почти неслышно выдавила молодая.

— За котлы и печи отвечаю я. Ольд, — сказал мужчина.

Ева кивнула.

— Хорошо. Теперь слушайте внимательно. С сегодняшнего дня я хочу знать три вещи: сколько в доме людей, сколько в кладовых еды и почему здесь холодно так, будто хозяева умерли три зимы назад.

Тишина.

Марта первой подняла глаза. В них мелькнула растерянность, а затем нечто опасное — осторожная надежда, которой она сама, видимо, испугалась.

— Миледи... списки у управляющего.

Разумеется.

— Но вы знаете хотя бы приблизительно?

— Людей — сорок два в доме и при дворе. Если с конюшнями — больше пятидесяти.

— Еды?

Бригта кашлянула.

— До конца зимы хватит, миледи. Если без гостей. И если снегопады не перекроют дорогу совсем.

“Если” прозвучало слишком многозначительно.

— А почему холодно?

Ольд почесал щеку.

— Южное крыло топить перестали. Восточное — через день. Дрова сырые, часть старых печей треснула еще прошлой зимой. Я просил каменщика, да...

Он осекся.

— Да кто? — спокойно уточнила Ева.

Мужчина замялся, перевел взгляд на дверь и совсем тихо сказал:

— Управляющий велел отложить до весны.

До весны. В ледяном доме, где даже стены дышали морозом.

Ева мысленно отметила: экономия? воровство? саботаж? Вероятнее всего, все сразу.

— Еще что? — спросила она. — Что в доме не так?

Четверо людей переглянулись уже иначе. Так смотрят те, кто всю жизнь молчал и вдруг понял, что им, возможно, разрешили правду. Самую малость. Осторожно.

Ответила снова Марта.

— Лечебное крыло закрыто, миледи.

Ева нахмурилась.

— Какое крыло?

Старуха удивилась.

— Малое западное. Там раньше лекарь принимал. При старой леди еще. А потом...

И опять осеклась.

При старой леди. Значит, в доме уже была хозяйка до Эвелины. Или речь о матери Кайрена. Неважно. Важно другое.

— Почему закрыто?

— Так распорядились, — буркнул Ольд, и в голосе у него послышалось недовольство. — Сказали, нечего там зря дрова жечь.

— Кто сказал?

На этот раз ответили не сразу. Потом Бригта почти беззвучно прошептала:

— Управляющий.

Конечно.

Ева медленно оглядела их всех.

— Сколько в доме больных?

Лис вдруг вскинула голову. На лице у девчонки был такой ужас, что вопрос прозвучал почти жестоко.

— Миледи, никто не смеет...

— Я не спрашивала, кто смеет. Я спросила, сколько.

Бригта быстро перекрестилась тем же местным жестом.

— Простуды, кашель, у двоих руки обморожены были недавно. На кухне мальчишка порезался. У конюха лихорадка прошла только на прошлой неделе. Да у всех что-нибудь, миледи. Зима.

Нормально для севера. Ненормально для дома, где закрыто лечебное крыло.

Ева обернулась к окну. За стеклом завывал ветер, гоняя снежную пыль по двору.

Картина выстраивалась все яснее. Дом держали не на порядке, а на страхе. Лечат кое-как. Топят кое-как. Приказы идут через управляющего. Хозяина нет. Хозяйка — чужая, опальная, вероятно, сломленная. И все привыкли, что так будет и дальше.

Ничего. Привычки меняются.

— Завтра с утра, — сказала Ева, — вы покажете мне кладовые, кухни, прачечную, котельные, комнаты прислуги и закрытое лечебное крыло.

Лис ахнула.

— Миледи, туда нельзя.

— Почему?

— Просто нельзя, — шепотом ответила девчонка и испуганно глянула на дверь, словно за ней уже стоял Торваль.

Ева подошла к ней ближе. Не вплотную, не нависая — так, чтобы ее было удобно слушать.

— Лис. Я здесь хозяйка. Или нет?

Девчонка сглотнула.

— Хозяйка, миледи.

— Тогда объясни, кто именно решил, что мне куда-то нельзя.

Лис прикусила губу. Ответила опять не она — Марта.

— Никто так прямо не говорил, миледи. Только... после того как западное крыло закрыли, туда велено не ходить. И не спрашивать.

Очень интересно.

Ева уже хотела продолжить, когда в коридоре раздался резкий стук. Дверь распахнулась, и на пороге возник Торваль. На его лице по-прежнему не было ничего, кроме безупречной почтительности, но взгляд стал холоднее.

— Простите, миледи. Я не знал, что вы уже начали расспросы без меня.

— А я не знала, что для разговора с собственными слугами мне нужно ваше разрешение.

Марта и Бригга синхронно опустили головы так низко, будто надеялись провалиться сквозь пол.

Торваль улыбнулся одними губами.

— Конечно, нет. Я лишь хотел избавить вас от ненужных забот в первый же день.

— Странно. А мне показалось, что забот здесь как раз слишком много, и вы от них успешно избавлялись без меня.

Рина позади Евы едва не выронила кочергу, которой ворошила огонь.

Управляющий выдержал паузу.

— Северное хозяйство требует особого подхода, миледи. Вам нет нужды вникать в каждую мелочь.

— Ошибаетесь. Именно в мелочах и видно, кто в доме хозяин.

Теперь он перестал улыбаться вовсе.

— Его светлость поручил мне управление поместьем.

— А мне, надо полагать, поручил сидеть у окна и любоваться снегом?

Торваль сделал шаг вперед. Небольшой. Но достаточный, чтобы показать: он привык давить присутствием.

— Его светлость просил, чтобы вам были обеспечены покой и достойное содержание.

Покой.

Как удобно. Особенно для женщины, которую проще держать подальше от дел, людей и закрытых дверей.

— В таком случае вы неверно понимаете слово “покой”, господин Хестен, — сказала Ева. — Мне будет куда спокойнее, когда я увижу, как устроен дом, в котором я теперь живу.

Он смотрел на нее дольше, чем позволяла вежливость.

— Как пожелаете, миледи.

Проиграл? Нет. Отступил на шаг. Только и всего.

Ева чувствовала, как от напряжения ноет затылок. Еще немного — и голова начнет кружиться снова. Но именно сейчас нельзя было показать слабость.

— Все свободны, — сказала она. — Завтра с рассветом начнем обход.

Слуги уходили быстро, почти бесшумно. Только Марта, уже у самой двери, на миг обернулась, и во взгляде старухи мелькнуло что-то похожее на уважение. Очень осторожное. Еще недоверчивое. Но живое.

Когда все вышли, кроме Рины, Торваль остался.

— Миледи.

— Да?

— Позвольте совет.

— Нет.

Он вскинул брови.

— Я все же рискну. На Севере не любят перемен, особенно резких. Вам лучше не тревожить то, что и без того хрупко.

Ева медленно повернулась к нему.

— Хрупко? — переспросила она. — Вы называете хрупким дом, где закрыто лечебное крыло, не топится половина комнат и люди боятся лишний раз поднять глаза?

На лице Торваля что-то дрогнуло. Не стыд. Раздражение.

— Вы не знаете, о чем говорите.

— Так объясните.

— Не сегодня, миледи. Вы устали. — Он поклонился. — И, полагаю, скоро сами поймете, что некоторые двери лучше оставить закрытыми.

Он вышел, не дожидаясь ответа.

В комнате стало тихо. Только дрова потрескивали в камине, да ветер царапал стекло ледяной крошкой.

— Он вас ненавидит, — выпалила Рина и тут же побледнела от собственной смелости.

Ева устало опустилась в кресло.

— Не меня. Он ненавидит помехи.

Служанка молчала, теребя край передника. Потом почти неслышно произнесла:

— Раньше вы были другой, госпожа.

— И какой же?

Рина растерялась.

— Тихой. Простите. Очень тихой. После письма его светлости вы почти ни с кем не говорили.

— После какого письма?

Служанка вскинула глаза, осознав, что выдала лишнее.

— Я... не знаю, миледи. То есть знаю, что письмо было из столицы. Потом вы плакали. Потом хотели уехать. Потом...

— Она осеклась и сжалась, словно ожидая пощечины.

— Потом я “упала с лестницы”, — сухо закончила Ева.

Рина побелела.

Молчание подтвердило больше, чем любые слова.

Ева прикрыла глаза на секунду. Значит, по голове ее приложила, вероятнее всего, совсем не ступенька. И отправили ее сюда не только в ссылку, но и в удобном для окружающих состоянии — полуживой, сломленной, неспособной задавать вопросы.

Хорошо.

Пусть считают, что с ней и дальше так будет.

Иногда самое удобное оружие — когда тебя недооценивают.

За окном совсем стемнело. Северный вечер падал быстро, как занавес. Дом вокруг будто еще сильнее погрузился в свое недоброе молчание. Где-то далеко, на нижнем этаже, хлопнула дверь. Кто-то пробежал по коридору. Потом снова стихло.

— Рина, — сказала Ева, открывая глаза. — Кто жил в лечебном крыле?

— Раньше приезжий лекарь, миледи. Иногда травница из деревни. Но давно уже нет.

— Почему “давно”?

— Не знаю.

Ложь слабая, почти детская. Значит, знает хоть что-то, но боится.

— В этом доме есть тот, кого нельзя лечить? — спросила Ева внезапно, сама еще не понимая, почему именно это пришло ей в голову.

Рина застыла.

Ее лицо изменилось так резко, будто кто-то сдернул с него маску. Страх остался. Но теперь в нем было и другое — ужас человека, услышавшего то, о чем в доме не принято говорить даже шепотом.

Ева медленно выпрямилась.

— Есть, — сказала она не вопросом, а утверждением.

— Миледи... — голос у служанки сорвался. — Не надо.

— Кто?

— Пожалуйста.

— Кто, Рина?

Та попятилась на шаг, глядя не на Еву, а будто мимо нее, на закрытую дверь, за которой могли подслушивать стены.

А потом прошептала едва слышно:

— Мальчик.

В комнате будто стало еще холоднее.

— Какой мальчик?

Рина затрясла головой.

— Не спрашивайте. Здесь об этом нельзя. Особенно вам. Вот теперь Ева встала окончательно.

— Почему особенно мне?

Служанка всхлипнула, прижала ладонь ко рту, словно уже жалела, что заговорила, и все же выдохнула:

— Потому что он живет в северной башне... и потому что его запретили лечить.

Ева смотрела на нее несколько секунд, не мигая.

Снаружи завыл ветер. Где-то в глубине огромного дома ударили часы — один, два, три раза, глухо и мрачно, словно отсчитывали не вечер, а чьи-то оставшиеся дни.

— Кто запретил? — тихо спросила она.

Но Рина уже не ответила.

Потому что в ту же минуту из коридора, из дальнего крыла, донесся звук — короткий, слабый, отчаянный детский кашель.

И Ева поняла, что не ляжет спать этой ночью.

Глава 2. Ребенок, которого нельзя спасти

Кашель раздался снова — глухой, надсадный, срывающийся на тонкий хрип, и в этой короткой, жалкой попытке вдохнуть было столько беспомощности, что у Евы по спине прошел холод, не имевший никакого отношения к северной зиме.

Она уже стояла.

Рина метнулась к двери первой, будто хотела заслонить собой проход.

— Госпожа, не надо, — выдохнула она. — Пожалуйста. Не ходите.

— Где северная башня?

Служанка побледнела так, что на лице остались одни глаза.

— Вы не понимаете...

— Зато я слышу. Где башня?

Кашель донесся снова. Тише. Хуже.

Ева шагнула к двери, и мир на мгновение качнулся. Тело все еще было слабым после дороги, голова ныла, под ребрами тянуло пустотой усталости. Любой нормальный человек на ее месте, возможно, и правда остался бы в кресле — до утра, до объяснений, до чужого разрешения. Но годы работы

научили Еву простому правилу: если ребенку трудно дышать сейчас, утро может уже не наступить.

Рина вцепилась в край передника.

— Госпожа, если вас увидят...

— Меня и без того увидят, — сказала Ева, накидывая на плечи тяжелую шаль. — Разница только в том, увидят ли меня трусихой или хозяйкой этого дома.

Слова прозвучали увереннее, чем она себя чувствовала. Но отступить было поздно.

Они вышли в коридор. Дом ночью казался еще больше и еще холоднее. Свет редких ламп ложился на стены желтыми пятнами, а между ними тянулись полосы полумрака, будто замок не освещали — сторожили. Воздух пах золой, пылью и камнем. Из дальних окон тянуло таким ледяным сквозняком, словно где-то в самом сердце дома были открыты двери прямо в зиму.

— Налево, — прошептала Рина, так и не решившись оставить ее одну. — Потом вниз на пол-этажа и снова вверх, по узкой лестнице. Но госпожа... если там Аста или лекарка...

— Кто такая Аста?

— Сиделка при мальчике. Считает, что весь дом проклят из-за него.

— А лекарка?

— Из деревни. Варна. Ее вызывают, когда становится совсем плохо.

— И часто становится?

Рина опустила голову.

— Этой зимой — часто.

Это прозвучало слишком тихо. Слишком привычно.

Они шли быстро, почти бесшумно. На лестнице, ведущей в северное крыло, было темнее, чем в остальной части дома. Здесь явно сэкономили на тепле и свете. Каменные ступени местами покрывала наледь, а на стене в нише стояла одна-единственная коптящая лампа. Башня поднималась вверх черным колодцем. Откуда-то сверху тянуло не только холодом, но и тяжелым, прелым жаром, каким дышат плохо проветриваемые комнаты, где много часов подряд жгут угли и боятся приоткрыть окно.

Ева остановилась на площадке, прислушалась.

Кашель доносился уже совсем близко. Между приступами слышалось чужое торопливое бормотание и тихий звон стекла о дерево.

— Там, — прошептала Рина, показывая на дверь в конце короткого коридора.

Дверь была дубовая, крепкая, с железной полосой поперек и новым засовом, слишком грубым для жилой комнаты. У порога — медный таз с остывшей водой, горка смятых тряпок и пустая кружка, на дне которой поблескивал темный осадок.

Ева наклонилась, понюхала. Горечь. Смола. Что-то терпкое, травяное. Не узнаваемое, но неприятное.

Из-за двери послышался тонкий стон.

Она не постучала.

Просто подняла засов и вошла.

Жар ударил в лицо, как пощечина.

Комната была маленькой, круглой, с двумя узкими окнами, наглухо закрытыми ставнями. В камине горели угли, у кровати чадила жаровня, а над ней на крюке висел котелок, из которого шел густой пар. Воздух был спертым, влажным, тяжелым от травяного отвара и человеческой болезни. На мгновение Еве самой стало трудно дышать.

У кровати обернулись две женщины.

Одна — высокая, костлявая, в темном платье и сером чепце, с поджатыми губами и лицом человека, давно привыкшего не сострадать, а выполнять. Сиделка, догадалась Ева. Вторая — ниже ростом, плотная, с крепкими красными руками, узкими глазами и холщовой сумкой через плечо. На табурете рядом с ней стояли пузырьки, полотняные мешочки и миска с густой коричневатой жижей.

Лекарка.

Но Ева уже почти не смотрела на них.

На кровати, под ворохом одеял и мехов, лежал мальчик.

Слишком маленький на фоне огромной постели. Слишком бледный даже для такого жара. Волосы — темные, влажные, прилипшие ко лбу. Лицо вытянутое, словно болезнь за последние месяцы успела стереть с него детскую округлость. Он дышал ртом, часто, поверхностно, с сиплым свистом на каждом вдохе, а кожа над ключицами втягивалась так резко,

что Еве хватило одного взгляда, чтобы сердце сжалось.

Плохо.

Очень плохо.

— Кто вас пустил? — резко спросила сиделка.

Ева подошла ближе.

— Отойдите.

Лекарка вскинулась.

— Миледи, вам нельзя здесь быть.

— Это я уже слышала. Отойдите.

Мальчик закашлялся так, что согнулся всем телом, но даже перевернуться набок не смог — его придавливали тяжелые одеяла. Сиделка поспешно поднесла к губам чашку с темным отваром.

— Пей, господин Мирен. Еще глоток. Так надо.

Имя ударило неожиданно, будто давно ждало, чтобы его произнесли вслух.

Мирен.

Ева уже была возле кровати. Одной рукой она перехватила чашку, прежде чем ее влили мальчику в рот, другой откинула верхнее одеяло.

Комната взорвалась возмущением.

— Что вы делаете? — ахнула сиделка.

— Спасая ему воздух.

Под мехом и шерстяными покрывалами мальчик почти горел. Рубашка на груди прилипла к телу, простыня под ним была влажной, губы пересохли до трещин, на шее пульс бил-

ся слишком часто. И эта удушающая жара, закрытые ставни, дым от жаровни, густой горький пар прямо у лица...

Ева выпрямилась так резко, что шаль соскользнула с плеч.
— Откройте окно.

Обе женщины уставились на нее так, будто она велела выбросить ребенка с башни.

— Вы с ума сошли, миледи? — первой обрела голос лекарь. — У него жар. Холод добьет его к рассвету.

— Его добьет это, — Ева указала на жаровню. — И все, чем вы пытались его запечь заживо.

— Я лечу его по всем правилам севера, — процедила та. — Вам лучше не вмешиваться.

Ева снова посмотрела на мальчика. На втягивающиеся ямки над ключицами. На тонкий синий оттенок у губ. На натужный, сухой кашель, после которого он не успевал полноценно вдохнуть. Если так пойдет дальше, силы у него закончатся раньше, чем воспаление.

Это не было загадкой. Не было чудом. Ребенок задыхался в жаркой, душной комнате, обезвоженный, измученный и, скорее всего, уже не первый день закармливаемый чем-то, от чего ему только хуже.

— По вашим правилам он умрет, — сказала Ева, и в ее голосе не осталось ничего, кроме холода. — Либо вы сейчас отходите, либо я велю вас вывести.

Сиделка, казалось, окаменела.

— Вы не посмеете.

Ева обернулась к Рине, все еще жавшейся у двери.

— Рина. Позови двух сильных слуг. Немедленно.

Та распахнула глаза.

— Госпожа...

— Немедленно.

Рина вылетела из комнаты.

Лекарка шагнула вперед.

— Миледи, вы берете на себя грех.

— Я беру на себя ответственность, которую вы боялись взять, — отрезала Ева. — А теперь окно. Одеяла убрать. Жаровню вон.

— Нельзя! — почти выкрикнула сиделка. — Господин Торваль приказал...

Вот оно.

Ева медленно повернулась к ней.

— Что именно приказал господин Торваль? — спросила она так тихо, что женщина осеклась.

— Чтобы все было... как велено. Чтобы не тревожить. Чтобы...

— Чтобы мальчик лежал в душевной комнате и захлебывался кашлем?

Сиделка побледнела, но упрямо сжала губы.

Лекарка дернула подбородком.

— У него слабые легкие с рождения. Когда начинается приступ, его надо хорошенько прогреть, чтобы хворь не ушла внутрь.

Ева смотрела на нее несколько секунд. Когда-то она уже видела это — не эти слова, не этот мир, а самую страшную уверенность полужизни, которое убивает ничуть не хуже равнодушия. Сделай так, как делали всегда. Накрой, укутай, напои чем-нибудь горьким, запрети воздуху входить. И если ребенок умрет — значит, был слишком слаб.

— Болезнь уже внутри, — сказала она. — И если вы еще хоть минуту будете спорить, его сил может не хватить даже на следующее утро.

Мирен снова закашлялся — мучительно, до слез, до дрожи. На этот раз после приступа его глаза закатились, и Ева действовала уже не как хозяйка дома, а как врач.

Она рванула меховое покрывало прочь, подхватила мальчика под плечи и приподняла, переводя в полусидячее положение.

— Держите его так, — бросила она сиделке.

Та не двинулась.

Ева сама притянула к кровати подушки, одной рукой прижимая их под спину мальчику. Мирен был горячий и легкий — пугающе легкий, как ребенок, которого болезнь давно обкрадывает по кусочкам.

— Не бойся, — тихо сказала она, хотя он, скорее всего, ее почти не слышал. — Не ложись. Вот так. Дыши. Еще раз.

Мальчик метался в жару, ловя воздух открытым ртом.

Ева подошла к окну, сорвала крюк со ставни и распахнула створку ровно настолько, чтобы в комнату хлынул узкий,

ледяной, но чистый поток ночного воздуха.

Лекарка ахнула. Сиделка перекрестилась.

Свежесть ударила в перегретую комнату мгновенно, сметая густой запах отвара. Мирен судорожно втянул воздух — первый раз чуть глубже прежнего, пусть и с надсадным свистом.

— Воды, — сказала Ева. — Чистой. Не горячей и не ледяной. Чистой.

— У него жар! — не выдержала лекарка.

— Именно. И он высох, как щепка в печи. Воды.

Она не повышала голос. В этом не было нужды. Что-то в ее спокойствии оказалось страшнее крика.

Лекарка метнула на нее тяжелый взгляд, но к воде потянулась сиделка — машинально, будто тело среагировало раньше страха.

Ева взяла кружку, обмакнула пальцы, смочила мальчику губы. Тот дрогнул. Затем дала ему совсем немного — по капле, на край языка, чтобы не захлебнулся.

— Больше не сейчас, — пробормотала она себе под нос.

На шее мальчика висел оберег из темного металла, слишком тяжелый для такого худого тела. Ева осторожно сдвинула его в сторону и расстегнула верх рубашки. Кожа под ней была горячей, а дыхание — таким поверхностным, что грудная клетка почти не поднималась.

Нужно было хоть немного сбить жар и облегчить вдох. Не вылечить. Просто вытащить из этой ночи.

— Тряпки сюда, — сказала она. — Чистые.

Сиделка метнулась к тазику.

— Не эти. Другие. Сухие. И еще одну миску воды.

Лекарка до сих пор стояла неподвижно, словно надеялась, что это все вот-вот закончится и мир вернется на место, где хозяйки не трогают больных детей, а дети тихо умирают по всем правилам.

— Что вы ему давали? — спросила Ева, не оборачиваясь.

— Отвар коры и зимнего корня.

— Зачем?

— От жара и кашля.

— Его рвало?

Лекарка дернула плечом.

— Немного. Это бывает.

Ева бросила взгляд на темные пятна в миске у кровати и сжала челюсти.

— Больше этого не давать.

— Вы вообще понимаете, с чем имеете дело? — в голосе той впервые зазвучала не важность, а злость. — Этот мальчик болеет не первую зиму. Его легкие слабее, чем у котенка. Он переживает приступы только потому, что мы умеем его согреть.

— Вы умеете доводить его до изнеможения, — отрезала Ева. — Если он не может вдохнуть, его не надо варить. Ему нужен воздух, вода и покой без дыма.

— Воздух? В такую ночь?

— Да.

Сиделка подала чистые тряпки. Руки у нее дрожали.

Ева смочила ткань, отжала и приложила мальчику ко лбу, потом к вискам, к шее. Не ледяную — прохладную. Затем быстро провела влажной тканью по запястьям, по пересохшим ладоням. Мирен вздрогнул, застонал, но его дыхание стало чуть менее рваным.

— Его надо растереть жиром, — упрямо сказала лекарка.

— И укрыть снова.

— Не сейчас.

— А когда он застынет?

— Он не застывает. Он горит.

Мирен вдруг открыл глаза.

Они были темные, огромные на изможденном лице, замугненные жаром. Несколько секунд он смотрел на Еву так, будто не мог решить, снится она ему или нет.

— Леди... — едва слышно выдохнул он.

В памяти дернулось что-то чужое, болезненное.

Тот мальчик с деревянным мечом. Смех в светлом холле.

Тонкие руки, тянущиеся вверх: *смотрите, я почти попал!*

Значит, это был он.

Ева сглотнула ком в горле, которого не ждала.

— Я здесь, — сказала она тихо. — И ты тоже здесь. Дыши.

Он попытался вдохнуть глубже — закашлялся, но уже не так сухо. Ева быстро повернула его чуть набок, придержала плечо. Приступ прошел тяжело, со слезами, с хрипом, но по-

сле него в дыхании наконец появился звук, которого раньше не было, — слабая, трудная, но все же влажность.

Хорошо. Хоть так.

На пороге загрохотали шаги. Рина вернулась с двумя за-
спанными, растерянными мужчинами из прислуги.

— Госпожа...

— Жаровню вынести, — приказала Ева.

Мужчины замерли, переведя взгляд на лекарку и сиделку, будто ждали, кто окажется страшнее.

— Сейчас же, — добавила она.

Один все-таки шагнул вперед. Второй подхватил желез-
ную ручку жаровни рукавицей. В комнате сразу стало легче
дышать, хотя прохлада из окна чувствовалась все сильнее.

— И ставни вторую щель откройте, — сказала Ева. — Не
настежь. Немного.

— Но госпожа... — начал один из слуг.

— Это приказ.

Когда и это было сделано, лекарка не выдержала:

— Если он умрет к утру, весь грех будет на вас.

Ева подняла голову.

— Если вы продолжите мешать, я велю запереть вас внизу
до рассвета.

В комнате стало так тихо, что потрескивание углей в ка-
мине казалось громом.

Лекарка побагровела.

— Да кто вы такая, чтобы...

— Жена хозяина этого дома, — сказала Ева. — И, видимо, единственный человек здесь, которому небезразлично, доживет ли этот ребенок до рассвета.

Это было жестоко. И, возможно, несправедливо. Сиделка, судя по покрасневшим глазам, не спала уже много ночей подряд. Даже лекарка, вероятно, делала то, чему ее учили. Но мальчик все равно лежал перед ней, едва не задохнувшийся от их “заботы”. У Евы не осталось сил на мягкость.

Она коснулась Мирену лба. Жар никуда не делся, но кожа уже не обжигала так беспощадно, как в первые секунды. Дыхание было все еще частым, тяжелым, со свистом, но глубже.

Нужно удержать это.

— Принесите еще подушек, — сказала она. — И смените простыню. Эта мокрая.

Сиделка обмерла.

— Ночью?..

— Сейчас.

— Он замерзнет.

— Нет. Если работать быстро.

Ева сама помогла приподнять мальчика, пока меняли белье. Мирен был в полубреду, иногда вздрагивал, иногда пытался что-то сказать, но слова распадались. Один раз она отчетливо услышала: “не надо звать его”. Кого — уточнять не было времени. Зато сиделка после этих слов отвела глаза так поспешно, будто сама испугалась.

Когда все было сделано, Ева устроила мальчика полуси-

дя, укрыла легким одеялом, оставив тяжелые меха у стены, и велела поставить у кровати миску с горячей водой, чтобы воздух не пересыхал, но без чадающего дыма и удушающего пара над самым лицом.

Лекарка смотрела на все с таким отвращением, будто хозяйка только что осквернила святилище.

— Он простынет, — повторила она глухо.

— Тогда я отвечу за это, — сказала Ева. — А пока отвечайте вы — за то, почему ему стало хуже после вашего лечения.

Варна — потому что теперь Ева уже была уверена, что женщину зовут именно так, — вспыхнула:

— Я не обязана держать ответ перед столичной куклой, которая и недели здесь не прожила.

Эти слова ударили не больно, но точно. Настолько точно, что Рина у двери зажмурилась.

Ева медленно повернулась к лекарке.

— Вы правы, — сказала она спокойно. — Я не прожила здесь и недели. И все же мне хватило одного взгляда, чтобы понять: у мальчика сухой язык, потрескавшиеся губы, потемневшие круги под глазами, жар, после которого его накрыли четырьмя слоями шерсти, и приступы кашля, которые вы пытались заглушить горьким отваром вместо того, чтобы дать ему возможность дышать. Так что либо вы ошиблись, либо вам было удобнее делать то, что велели.

Варна побледнела.

Сиделка опустила голову еще ниже.

Попала.

Не во все. Но в главное — в страх подчинения.

Ева выпрямилась. Голова снова начинала ныть, виски ломило, пальцы подрагивали от напряжения и перенесенного жара. Она была не железная. И никакого чуда пока не произошло. Мальчик не выздоровел, не открыл глаза с ясной улыбкой, не попросил есть. Он просто перестал тонуть в собственной горячке так быстро, как тонула рыба в ведре без воды.

— Рина, — сказала Ева. — Останешься со мной.

Служанка сглотнула, но кивнула.

— А вы, — Ева посмотрела на сиделку и лекарку, — слушайте внимательно. Каждые четверть часа — вода на губы. Понемногу. Не поить насильно. Если начнет кашлять — не укладывать. Держать выше. Окно не закрывать совсем, только следить, чтобы не тянуло прямо на него. Никаких новых отваров без меня.

— Но миледи... — попыталась возразить сиделка.

— Без меня, — повторила Ева.

— Вы собираетесь сидеть тут до утра? — ядовито спросила Варна.

Ева бросила на нее взгляд.

— А вы надеялись, что я уйду и дам вам доделать остальное?

Молчание было ей ответом.

Она села на стул у кровати, потому что ноги уже начина-

ли дрожать по-настоящему. Рина тут же придвинула ближе табурет, будто боялась, что госпожа сейчас рухнет прямо на каменный пол.

Ночь потянулась медленно.

Иногда Мирен дремал, проваливаясь в липкий жаркий сон. Иногда снова начинал хрипло кашлять, и тогда Ева поднимала его выше, придерживала, ждала, пока приступ отступит. Дважды мальчика чуть не вырвало остатками горького отвара, и тогда она окончательно запретила давать ему что-либо, кроме воды, пока не пройдет самый тяжелый час.

Варна несколько раз порывалась спорить, но с каждым разом все слабее. Потому что видела то же, что и Ева: мальчик, которого час назад будто зажимало между жаром и удушьем, теперь хоть и с трудом, но дышал ровнее. Синий оттенок у губ почти исчез. Лоб оставался горячим, зато пальцы уже не были ледяными. Иногда он даже открывал глаза и узнавал, где находится.

Под утро — а может, спустя всего час, ночь в северной башне потеряла счет времени — Мирен шевельнулся и хрипло прошептал:

— Воды...

Этот тихий, почти жалкий запрос показался Еве громче победного рога.

Она сама поднесла кружку, дала ему несколько осторожных глотков и увидела, как он проглотил, не захлебнувшись.

— Вот так, — сказала она, и голос у нее неожиданно дрог-

нул. — Еще немного. Хорошо.

Мирен смотрел на нее мутно, с усилием.

— Вы... не должны были приходить, — прошептал он.

Ева замерла.

— Почему?

Он закрыл глаза, будто даже на этот шепот у него ушли последние силы.

— Нельзя... к нам.

К нам.

Не ко мне.

Кто еще живет в этой башне? Или кто еще считается в этом доме лишним?

— Спи, — сказала Ева, потому что сейчас важнее было не знание, а дыхание.

Мальчик послушался.

Сиделка, до этого стоявшая каменной колонной, вдруг опустилась на колени у кровати и уткнулась лбом в край матраса. Не в молитве даже — в каком-то животном изнеможении человека, который слишком долго ждал худшего.

— Он реже задыхается, — тихо, будто не веря себе, проговорила она.

Ева посмотрела на нее.

— Как тебя зовут?

Женщина подняла покрасневшие глаза.

— Аста, миледи.

— Почему ты позволяла делать с ним это?

Аста вздрогнула.

— Потому что так велели. Потому что, когда не слушаешься, становится еще хуже. Потому что в прошлый раз, когда я позвала другого травника без спроса, господин Торваль сказал, что меня выгонят среди зимы. А мальчику все равно не помогут.

Последние слова прозвучали совсем тихо. Без злобы. Одно отчаяние.

Ева провела ладонью по лицу. В висках стучало.

Вот он, настоящий хозяин дома. Не дракон. Не законная жена. Не старые гербы на стенах. Страх.

В этот момент за дверью послышались уверенные шаги.

Не суeta слуг. Не осторожные крадущиеся шаги Рины. Твердый, быстрый, раздраженный мужской шаг человека, привыкшего входить без спроса.

Торваль.

Он появился на пороге так же безупречно одетым, как и вечером, будто не ложился вовсе. Взгляд скользнул по комнате: распахнутая створка, вынесенная жаровня, открытые склянки, Ева у кровати, сиделка на коленях, Варна — бледная и злая.

И все стало понятно без слов.

— Миледи, — произнес он, и даже это обращение прозвучало как упрек. — Что здесь происходит?

Ева медленно поднялась.

— То, что должно было произойти давно.

Торваль перевел взгляд на Мирена. Мальчик дышал тяжело, но уже не рвался каждым вдохом. И управляющий это увидел. Увидел — и ему это не понравилось.

— Вам не следовало сюда приходить, — сказал он.

— Я уже слышала.

— Этот ребенок находится под особым попечением дома.

— Под удушающим попечением.

У Торваля дрогнула скула.

— Вы вмешались в распоряжения, которые не вам отменять.

— В распоряжения, по которым больного мальчика держат в запертой жаркой комнате и запрещают лечить?

— Ему оказывали всю необходимую помощь.

— Если это вы называете помощью, то я боюсь представить вашу заботу о врагах.

Рина у стены побледнела до мела. Варна метнула на Еву взгляд, в котором теперь смешались ярость и страх. Аста так и не поднялась с колен.

Торваль подошел ближе, остановившись в паре шагов.

— Вы не понимаете, что делаете, миледи.

— Зато прекрасно понимаю, что делали вы.

— Осторожнее.

Слово прозвучало тихо. Именно поэтому особенно опасно.

Ева тоже понизила голос:

— Нет, господин Хестен. Осторожнее теперь будете вы.

Потому что с этой минуты я сама решаю, кого и как лечат в моем доме.

— В вашем? — Впервые его выдержка дала трещину. — Его светлость не передавал вам таких прав.

— Его светлость передал мне это имя и этот дом, когда прислал сюда своей женой. Если вас не устраивает, можете написать ему жалобу.

Они смотрели друг на друга долго, молча. И Ева с неожиданной ясностью поняла: проиграй она сейчас — и все, что было сделано этой ночью, откатится назад еще до рассвета. Окно снова заколотят, мальчика укуруют мехами, ей начнут улыбаться с ледяной вежливостью и больше не подпустят ни к ребенку, ни к кладовым, ни к людям. У нее не было здесь силы, кроме той, что она создаст сама.

— С этого часа, — сказала она, не отводя взгляда, — в башню никто не входит без моего ведома. Варна остается внизу, пока я не решу, что она мне нужна. Аста и Рина дежурят по очереди. И еще одно: если я узнаю, что кто-то снова дал мальчику этот отвар, я сочту это покушением на жизнь ребенка. И разбираться буду не как с ошибкой, а как с умыслом.

В комнате воцарилась такая тишина, что было слышно, как в щель окна втирается ветер.

Торваль усмехнулся. Очень тонко. Очень нехорошо.

— Вы делаете громкие заявления для женщины, которая приехала в этот дом меньше суток назад.

— Зато я успела сделать то, чего вы не сделали за всю зиму.

Он медленно наклонил голову.

— Вы наживете себе много врагов, миледи.

— Уже нажила, — ответила Ева.

Это была правда. И сказав ее вслух, она вдруг почувствовала странное спокойствие. Будто с этого момента игра наконец перестала быть скрытой.

Торваль развернулся так резко, что полы плаща взметнулись.

— Как пожелаете.

Он ушел, не дожидаясь разрешения.

Варна с шумом выдохнула и потянулась к своей сумке.

— Я тоже пойду, раз уж здесь теперь правит столица.

— Нет, — сказала Ева. — Вы останетесь в замке до вечера. Мне еще нужны ответы на несколько вопросов.

Лекарка уставилась на нее с ненавистью.

— Вы пожалеете, миледи.

— Возможно. Но не сегодня.

Когда та, наконец, вышла, прихватив свою сумку, Аста поднялась с колен и, не глядя на Еву, прошептала:

— Спасибо.

Одно слово. Очень тихое. Но в нем было больше, чем в десятке клятв.

Ева не ответила сразу. Она смотрела на мальчика.

Мирен спал. Все еще горячий, все еще слабый, но сон его

уже не выглядел последним судорожным провалом измученного тела. Он дышал тяжело, с хрипотцой, но глубже. Руки, стиснутые на одеяле, разжались.

Не победа. Только отсрочка.

Но иногда и она стояла целой ночи.

Ева опустилась обратно на стул. Силы уходили так резко, что пальцы зябко дрожали. Рина, заметив это, поспешно накинула ей на плечи шаль.

— Госпожа... вам бы самой лечь.

— Потом.

— Вы сейчас упадете.

— Если упаду, поднимешь, — устало сказала Ева.

Служанка неожиданно фыркнула — коротко, нервно, словно сама испугалась своего звука. И тут же зажала рот ладонью.

Ева посмотрела на нее. Впервые за эту ночь — не как на испуганную девочку, а как на человека, который остался рядом, хотя мог сбежать еще на лестнице.

— Ты знала, что так плохо? — тихо спросила она.

Рина покачала головой.

— Я знала, что ему часто становится хуже. Но сюда почти никого не пускают. Только Асту, Варну и господина Торваля. Иногда еще... — Она осеклась.

— Еще кого?

— Никого, миледи.

Ложь. Но сейчас у Евы не было сил ее ломать.

Вместо этого она спросила:

— Сколько ему лет?

— Девять.

Девять.

Тот мальчик из обрывка памяти мог быть именно им. Смех, деревянный меч, светлый холл... Значит, когда-то ему позволяли бегать по дому. Значит, он не всегда жил запертым в башне. Значит, кто-то решил посадить его сюда потом.

— Почему вы все так его боитесь? — спросила Ева.

Рина вздрогнула.

— Не его.

— Тогда чего?

Служанка замялась.

— Того, что бывает после него.

Не ответ. Или пока только половина ответа.

Ева устало закрыла глаза на секунду. Дом, который гниет от страха. Ребенок в башне. Управляющий, отдающий распоряжения, как хозяин. Муж, приславший сюда жену на “покой”. И прошлое Эвелины, которое тянулось за ней, как тень по снегу.

Слишком много для одной ночи.

И все же в груди, под усталостью и болью, жила странная упрямая злость. Не на новый мир даже. На саму схему. На то, как легко здесь согласились, что одним можно все, а другим — только терпеть.

Вдруг внизу, за окнами башни, протяжно заревел рог.

Один раз.

Потом второй.

Рина подскочила так резко, что стул качнулся.

Аста подняла голову от кровати.

— Что это?

Следом раздался грохот шагов на лестнице и громкий, не по-ночному возбужденный голос:

— Откройте! Откройте же!

Дверь распахнулась прежде, чем кто-то успел среагировать. На пороге стоял конюший — молодой, запорошенный снегом, с инеем в волосах и распахнутым полушубком. Он едва перевел дыхание, оглядел всех и только потом устоял на Еву, будто вспомнил, что перед ним не служанки, а хозяйка.

— Миледи... — выдохнул он. — Весть с южной заставы.

Ева медленно поднялась.

— Какая?

Парень сглотнул.

— Его светлость вернулся на север. Едет сюда лично. К рассвету будет в поместье.

Тишина обрушилась на комнату, словно вместе с этой новостью в башню вошел кто-то еще — невидимый, холодный, властный.

Рина прижала ладонь к губам.

Аста закрыла глаза.

А Ева посмотрела на спящего мальчика, потом — на рас-

пахнутую дверь, за которой темнела каменная лестница, и поняла, что ночь еще даже не закончилась.

Глава 3. Муж, который хотел удобную тень

Первым Ева услышала не голос и не шаги.

Дом отреагировал раньше людей.

Где-то внизу один за другим распахнулись тяжелые входные створки. По камню гулко загрохотали копыта, потом — мужские команды, короткие, четкие, без суеты. Ветер ворвался в лестничные пролеты вместе с запахом снега, мокрой кожи и дыма дальних костров. Замок будто встрепенулся, сбрасывая ночную сонную оцепенелость. Даже стены, еще час назад дышавшие страхом и тишиной, теперь словно вытянулись.

Приехал хозяин.

Рина застыла у окна, прижав пальцы к губам.

— Госпожа...

Ева не ответила. Она сидела у кровати Мирена, положив ладонь поверх одеяла — не на ребенка, просто рядом, будто этого расстояния уже хватало, чтобы удержать его в комнате, в дыхании, в жизни. Мальчик спал неровно, но все же спал. Жар держался, дыхание оставалось тяжелым, с влажной хрипотцой, однако больше не раздирало его на клочки каждым вдохом.

Ночь не закончилась чудом. Она закончилась отсрочкой.

И Ева знала цену таким отсрочкам слишком хорошо, чтобы обольщаться.

Снизу донесся новый звук — низкий, резкий мужской голос. Не слова, просто интонация. Приказ. Ему ответили сразу несколько человек, так быстро, что сомневаться не приходилось: здесь давно отвыкли спорить с теми, кто имеет право говорить именно так.

Аста поднялась со стула, на котором сидела, понуро обняв себя руками.

— Он сразу сюда придет, — прошептала она.

— Почему?

Сиделка бросила на Еву взгляд, в котором смешались жалость и испуг.

— Потому что всегда приходит, когда... когда ему докладывают про господина Мирена.

Всегда приходит.

Значит, мальчик не был для Кайрена пустым местом. Это не снимало с него вины — отнюдь. Но делало все сложнее.

Ева медленно поднялась. Ноги тут же отозвались ломотой, голова — тупым ударом в висок. Она не спала с момента чужого пробуждения в карете, дралась с жаром, со страхом, с управителем и с бессилием этого тела. Сейчас ей больше всего хотелось сесть обратно и хотя бы на минуту закрыть глаза. Но именно сейчас она не могла позволить себе выглядеть слабой. Не перед Торвалем. Не перед слугами. И уж точно не перед человеком, который, судя по обрывкам памяти,

когда-то одним письмом превратил эту женщину в тень.

Ева поправила шаль, выпрямилась и только потом сказала:

— Рина, принеси чистую воду. И открой дверь пошире. Здесь не должно быть похоже на нору, в которой прячут умирающих.

Рина метнулась выполнять приказ, хотя пальцы у нее заметно дрожали.

Аста нервно сглотнула.

— Миледи... с ним лучше мягче.

— С кем? С вашим хозяином?

— С его светлостью.

Ева посмотрела на нее.

— Если бы в этом доме мягкость помогала, мальчик не лежал бы всю зиму в этой башне.

Аста побледнела и умолкла.

Шаги на лестнице послышались через минуту. Не бег. Не суета. Человек поднимался быстро, но так, словно каждый пролет принадлежал ему по праву и давно привык подчиняться одному только его шагу. За ним шли еще двое — тяжелее, осторожнее. Охрана или сопровождающие. Затем шаги остановились у двери.

На пороге появился не мужчина — угроза, облеченная в плоть.

Он был выше, чем рисовала память Эвелины, и шире в плечах, чем позволяли самые дорогие столичные камзолы.

На нем еще оставался дорожный плащ, подбитый темным мехом, по подолу которого таял снег. Волосы, черные, как мокрый уголь, были зачесаны назад, но несколько прядей выбились на висок. Лицо казалось вырезанным из того же серверного камня, что стены замка: резкие скулы, прямой нос, жесткая линия рта. Только глаза были живыми — светлыми, холодными, опасными. Не серыми. Светлее. Как зимнее небо перед бурей.

Он не спешил входить полностью. Сначала охватил взглядом комнату.

Распахнутая створка окна. Нетяжелое одеяло. Убранная жаровня. Варны нет. Ева у кровати. Мирен дышит.

Потом посмотрел на самого мальчика. И это мгновение было единственным, когда его лицо изменилось. Совсем чуть-чуть. Не мягкостью — сосредоточением человека, который умеет считать потери прежде, чем задаст первый вопрос.

Значит, ждал худшего.

Только после этого взгляд Кайрена перешел на Еву.

И здесь уже не было ни удивления, ни радости от встречи, ни неловкости супруга, давно не видевшего жену. Ничего человечески удобного. Только холодное, внимательное недоверие. Он явно ожидал увидеть кого угодно, но не женщину, стоящую прямо, с поднятой головой, в комнате его больного сына.

За его плечом показался Торваль. Как и следовало ожи-

дать.

— Вон, — сказал Кайрен, не повышая голоса.

Рина вздрогнула. Аста мгновенно опустила голову. Но он смотрел не на них.

На Торваля.

Управляющий на долю секунды замер, затем коротко поклонился и отступил в коридор. Двое стражников, стоявших позади, исчезли следом. Дверь закрылась. В башне остались только четверо: Кайрен, Ева, Рина и Аста. Мирен, спящий на кровати, не считался — просто потому, что слишком близко стоял к той грани, на которой люди уже не участвуют в разговоре, а становятся его причиной.

Кайрен вошел в комнату полностью. Снег с его плаща упал на каменный пол.

— Оставьте нас, — сказал он уже служанкам.

Рина беспомощно посмотрела на Еву.

Ева не отвела взгляда от дракона.

— Аста остается у мальчика. Рина — за дверью. Если Мирен закашляется, мне нужен будет кто-то рядом.

Повисла пауза.

Очень короткая. Но такая, в которой решается расстановка сил.

Аста словно перестала дышать. Рина побледнела еще сильнее. Кайрен смотрел на Еву так, будто видел перед собой не женщину, а странность, которую пока не решил — уничтожить или рассмотреть поближе.

— За дверь, — повторил он после нескольких секунд. Это было сказано уже Рине. Не Еве.

Служанка выскользнула в коридор, едва не задев плечом косяк. Аста осталась, сжав пальцы на спинке стула так, что побелели костяшки.

Кайрен приблизился к кровати. Движения у него были тихими для такого крупного человека, и от этого еще более тревожными. Он коснулся взглядом лица мальчика, одеяла, приоткрытого окна. Затем перевел глаза на Еву.

— Объясните.

Не “здравствуй”. Не “что произошло”. Даже не “почему вы здесь”.

Объясните.

Ева чувствовала, как в висках стучит усталость. Но вместе с ней поднималась и другая сила — злая, ясная, не дающая отступить.

— Ваш сын едва не умер этой ночью, — сказала она. — Объяснять будете вы.

Аста беззвучно ахнула.

Лицо Кайрена не дрогнуло. Только взгляд стал жестче.

— Вы пришли в башню через несколько часов после приезда в дом. Влезли в лечение, о котором не имеете представления, выставили моего управляющего за дверь и, как я понимаю, подняли на ноги ползамка. И после этого решили начать с допроса?

— Да.

Он вскинул бровь. Едва заметно. Но для такого лица и это было почти выразительным жестом.

— Смело.

— Не смело. Поздно. Слишком поздно для вежливостей.

Эти слова повисли между ними острыми кромками.

Кайрен посмотрел на Мирена еще раз. Протянул руку, коснулся лба мальчика внутренней стороной запястья. Ева заметила, как в этот миг у него чуть напряглась челюсть: жар он почувствовал сразу. Потом его взгляд скользнул к миске с водой, к отставленной чашке с остатками темного отвара, к открытой створке. Он умел видеть детали. Это Ева поняла мгновенно. И потому тем опаснее был этот человек: он не станет спорить из мужского самолюбия, если поймет, что перед ним факты. Но и простить сопротивление просто так не сможет.

— Что вы изменили? — спросил он.

— Убрала жаровню, открыла окно, сняла лишние меха, запретила горький отвар, перевела его в полусидячее положение, дала воды. И не позволила вашим людям запечь ребенка в собственном жару.

Кайрен медленно повернул голову к Асте.

— Это правда?

Сиделка сжалась.

— Да, ваша светлость.

— До ее прихода он задыхался сильнее?

Аста подняла глаза. И тут Ева увидела, что страх перед

драконьим хозяином у этой женщины куда глубже, чем перед Торвалем. Но все же не настолько, чтобы соврать, когда мальчик лежит в двух шагах.

— Да, ваша светлость, — шепотом ответила она. — Нам казалось... что на этот раз он не переживет ночь.

Кайрен молчал.

В тишине треснул уголек в камине. За окном ветер бросил в стекло сухой снег.

— Выйди, — сказал он Асте.

Женщина не шелохнулась.

— Останься у двери, — вмешалась Ева. — Если у него начнется новый приступ, я не собираюсь тратить время на поиски рук.

Кайрен перевел на нее взгляд.

— Вы приказываете в моем доме?

— Пока в вашем доме ребенку хватает воздуха только потому, что кто-то рискнул приказать вместо вас, — ответила Ева.

Вот теперь он действительно разозлился.

Не вспыхнул. Не повысил голос. Но воздух в комнате будто стал плотнее. На одну страшную секунду Еве показалось, что холод от окна смешался с чем-то иным — древним, хищным, не человеческим. В глубине светлых глаз мелькнул отблеск не просто ярости, а силы, которую человек в себе удерживает не из вежливости, а из привычки не тратить ее по мелочам.

Дракон.

Ева почувствовала это не рассудком — телом. Той частью, что всегда первой узнает опасность.

И все равно не отвела взгляда.

Кайрен шагнул ближе. Настолько, что теперь между ними оставалось меньше вытянутой руки.

— Вы слишком быстро освоились для женщины, которая еще вчера рыдала над письмом и просила не отсылать ее на север, — произнес он тихо.

Фраза ударила под дых. Не потому, что была несправедливой. Потому что принадлежала не ей. Эвелине. Чужой боли, чужому унижению, отголосок которого до сих пор шевелился в памяти, будто заживающая рана под тканью.

Ева медленно вдохнула.

— А вы слишком долго отсутствовали для человека, который теперь удивлен порядкам в собственном доме.

Это был удар в ответ. Точный. И, судя по тому, как на секунду сузились его глаза, достигший цели.

— Следите за языком, — сказал он.

— Как только вы начнете следить за тем, чем лечат вашего сына.

Он смотрел на нее несколько мгновений. Затем вдруг отступил. Не потому, что уступил. Скорее потому, что решил сменить оружие.

— Моего сына, — повторил он. — Значит, вам уже хватило одной ночи, чтобы разобраться, кто здесь кому кем при-

ходится?

Ева уловила это сразу. Не вопрос о Мирене. Ловушка.

— Мне хватило одной ночи, чтобы увидеть мальчика, которого держат отдельно от дома, — сказала она ровно. — Если вы предпочитаете, чтобы я называла его иначе, начните с того, почему ему запрещали лечение.

Кайрен чуть склонил голову набок. Будто отмечал у себя в уме: уклонилась. Не совсем удачно, но не попалась.

— Никто не запрещал ему лечение.

— Тогда вы либо не знаете, что происходит под вашей крышей, либо лжете мне в лицо.

Аста у двери тихо охнула. Ева услышала это краем уха и тут же поняла, что перешла черту, за которой любой разумный человек в ее положении должен был бы остановиться.

Но останавливаться было поздно.

Кайрен не сводил с нее взгляда.

— Вы, похоже, забыли, с кем говорите.

— Нет. Я прекрасно помню, — ответила Ева. — С человеком, который велел оставить меня женой на бумаге и, вероятно, рассчитывал, что я буду сидеть тихо. Вот только вы прислали меня в дом, где ребенка лечат так, что к утру он едва дышит. Поэтому нет, я не забыла, с кем говорю. Я просто впервые вижу вас достаточно близко, чтобы спросить: это небрежность или намерение?

Последнее слово прозвучало опаснее, чем она хотела. Даже для нее самой.

Лицо Кайрена стало совершенно неподвижным. Не холодным — мертвенно спокойным. Именно так, Ева знала по прежней жизни, выглядят люди перед решением, которое может сломать чужую судьбу одним движением.

— Вон, — тихо сказал он.

На этот раз — Асте.

Сиделка вылетела за дверь, будто ей развязали ноги. Комната опустела окончательно.

Ева осталась одна напротив мужа, которого не знала, в мире, который не принадлежал ей, рядом с кроватью его больного сына.

Кайрен подошел к окну и сам приоткрыл створку еще на палец. Проверил воздух. Потом коснулся края одеяла, словно на ощупь убеждаясь, что мальчик действительно не замерзает под этим тонким слоем. Затем повернулся к ней.

— Мирену стало легче, — произнес он. Не вопрос. Констатация.

— Да.

— От ваших действий.

— Да.

— И вы понимаете, что, если к вечеру ему станет хуже, первой я спрошу именно вас?

— Не спросите, — сказала Ева. — Вы обвините.

Он чуть усмехнулся. Без тепла. Почти беззвучно.

— Похоже, с памятью у вас стало лучше, чем мне доложили.

Значит, ждал сломленную. Возможно — полубезвольную, после удара, после дороги, после страха. Очень хотелось спросить, кто именно и что ему докладывал. Но сейчас это было не главное.

— Мне достаточно того, что я вижу, — ответила Ева. — А вижу я дом, где половину помещений не топят, лечебное крыло закрыто, слуги боятся поднять глаза, а вашего сына держат в башне как неудобную тайну.

— Мирен не тайна.

— Тогда почему он здесь, а не в теплой комнате рядом с людьми?

Кайрен снова посмотрел на мальчика. На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то темное, похожее на вину, тут же спрятанную глубже, чем любой посторонний мог бы достать.

— Потому что в этом доме не все так просто, как кажется с первого часа.

— Прекрасно. Тогда объясните с первого часа, а не с десятого приступа удушья.

Ева сама удивилась, как ровно звучал ее голос. Внутри все было далеко не ровно. Усталость клонила к полу. Руки мерзли, хотя щеки горели от бессонной ночи. И все же в присутствии этого мужчины слабость вдруг становилась невыносимой роскошью. Ей нельзя было позволить себе даже опереться о спинку стула — он заметил бы. Кайрен замечал все.

— Вы говорите так, будто уже хозяйка, — произнес он.

— А я не хозяйка?

— Пока — женщина, которую мне вернули из столицы в куда худшем состоянии, чем я рассчитывал.

Это прозвучало почти неосторожно. Почти признанием. Ева прищурилась.

— Рассчитывали? На что именно, ваша светлость? На тишину? На покорность? На то, что я не замечу ни башни, ни мальчика, ни вашего драгоценного управляющего?

Кайрен резко перевел взгляд на нее.

— Осторожнее с Торвалем.

— Почему? Потому что он вам нужен? Или потому что он знает о вашем доме больше, чем вы сами?

На этот раз молчание затянулось. И именно оно ответило лучше слов.

Вот оно. Трещина.

Небольшая. Но настоящая.

Кайрен доверял Торвалю достаточно, чтобы оставить ему дом. И при этом не был уверен до конца в том, что получил обратно. Это чувствовалось слишком ясно.

— Вы обвиняете всех подряд после одной ночи, — произнес он наконец. — Меня, управляющего, лекарку. На чем, кроме собственного упрямства, строится ваша уверенность?

Ева шагнула к столу, на котором до сих пор стояла оставленная чашка с темным отваром.

— На запахе рвоты в миске у кровати. На пересохших губах у ребенка, которого продолжали поить горечью. На жаровне под носом у мальчика, у которого и без того не было

воздуха. На том, что после окна и воды он впервые за ночь сумел сделать полный вдох. Хотите еще?

Кайрен не ответил.

Тогда Ева подошла к кровати, осторожно поправила подушку под спиной Мирена. Мальчик не проснулся, только дыхание на секунду сбилось и снова выровнялось.

— Ему нужен не этот чулан, — сказала она, уже не глядя на мужа. — Ему нужно помещение, где можно проветривать, менять белье, держать воду и чистоту. Нужны люди, которых не запугали до немоты. Нужен постоянный уход, а не издевательство под видом северных правил.

— И вы, разумеется, знаете, как все это устроить.

— Знаю, как начать.

Она выпрямилась и повернулась к нему.

— Мне нужно лечебное крыло.

Если прежде в разговоре была напряженность, то теперь она стала явной угрозой. Кайрен смотрел на нее так, будто услышал не просьбу, а вызов.

— Вы требуете слишком много для первого утра в этом доме.

— Я прошу слишком мало для дома, где уже закрыли место, предназначенное для больных.

— Это крыло давно не используется.

— Потому что его закрыли. Я уже поняла.

— И вы собираетесь открыть его за один день?

— Нет. За один день я собираюсь туда войти, осмотреть,

понять, что можно спасти первым, и не дать еще кому-нибудь лечь в постель Мирена следом за ним.

Глаза Кайрена чуть сузились.

— Следом за ним?

— В доме уже кашляют слуги. На кухне режутся мальчишки. У людей обморожения, у конюхов лихорадка. Вас это удивляет?

Он молчал. И в этом молчании Ева вдруг отчетливо услышала собственную дерзость. Любая разумная женщина на ее месте сейчас уже искала бы, как смягчить тон, как уйти в сторону, как напомнить, что она всего лишь жена, возвращенная в ссылку. Но внутри нее слишком сильно жило другое: память о детских хрипах, о горячих ладонях, о том, как легко люди умирают там, где взрослые слишком долго играют во власть.

— Хорошо, — сказал Кайрен.

Одно слово.

Ева не сразу поверила, что услышала его правильно.

— Что именно хорошо?

— Вы получите свое крыло.

Теперь уже точно.

Она едва не переспросила снова — не из глупости, а потому что не ожидала согласия так рано. Но Кайрен продолжил прежде, чем она заговорила:

— Малое западное. Я отдам распоряжение открыть комнаты, выдать ключи и впустить вас туда.

Ева почувствовала, как в груди что-то коротко сжалось. Не радость — осторожность. Слишком легко. Значит, за этим будет цена.

И, конечно, цена прозвучала в следующую секунду.

— На месяц, — сказал Кайрен.

Ева медленно подняла голову.

— Что?

— Вы просили место для лечения. Получите его на месяц. За это время вы докажете одно из двух: либо понимаете, что делаете, либо нет. Если к концу месяца Мирену станет лучше и вы не превратите западное крыло в балаган, я позволю продолжить. Если нет — вы больше не вмешиваетесь ни в его лечение, ни в любые распоряжения по дому. Вообще.

Тишина ударила в виски.

Месяц.

Это было одновременно мало и бесконечно много. Мало — чтобы выстроить дело с нуля, найти людей, наладить порядок, разобрать чужой саботаж. И много — если вспомнить, что еще час назад она была в этом доме только незваной тенью.

— Вы ставите жизнь ребенка на спор? — тихо спросила Ева.

— Нет. Я даю вам шанс, которого вы сами добивались, — ответил Кайрен. — И проверяю, кто вы такая на самом деле. Вот теперь она поняла все.

Не доверие. Не интерес к лечению. Холодное испытание.

Он не верил ей. Возможно, не верил даже собственным глазам. Но увидеть хотел. До конца.

— А если я откажусь? — спросила она.

— Не откажетесь.

Сказано было без самодовольства. Просто как факт.

Ева стиснула пальцы под складками шали, чтобы он не заметил дрожи от усталости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.